

Франция и французы в «Окаянных днях» И. А. Бунина

Д. Д. Николаев

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

Аннотация

В «Окаянных днях» И. А. Бунина одной из концептуальных основ становится сопряжение России и Франции, выступающее в качестве лейтмотива в первой по времени публикации «одесской» части «Окаянных дней». Ее газетная редакция печаталась в 1925 г. на страницах парижской газеты «Возрождение», и текст Бунина был обращен не только к русской, но и к зарубежной аудитории, в первую очередь французской. Эдиционные обстоятельства первой публикации нужно учитывать при объяснении значимости «французских» мотивов, но воспринимающаяся как художественно-публицистическая логика 1925 г. вытекает из конкретных обстоятельств и связанных с ними авторских переживаний 1919 г.

«Французы» появляются в первом же фрагменте «Окаянных дней», опубликованном в первом номере «Возрождения» 3 июня 1925 г. В газетной редакции поворотным моментом становится решение французов оставить Одессу. Бунин не обвиняет Францию напрямую в том, что она бросила город и его жителей, но постоянно возвращается затем к теме связанных с французами несбывшихся надежд. Символом этих надежд и их крушения становится французский миноносец.

В первом фрагменте «Окаянных дней» фиксируются и две другие связывающие Россию и Францию линии. Это современные политические события и события исторические. Бунин постоянно напоминает французам об исторической ответственности за то, что они сперва совершили, а затем и канонизировали свою «великую» революцию, тем самым подавая пример революции русской. Одним из смысловых центров «Окаянных дней» в «Возрождении» становится фрагмент о Сен-Жюсте, в котором Бунин обращается к книге Ленотра «*Vielles maisons, vieux papiers*». Ссылки на книгу Ленотра нужны в «Возрождении» для того, чтобы негативная оценка французской революции не воспринималась как взгляд русского «со стороны».

Существенные изменения, внесенные в текст «Окаянных дней» при подготовке книжной редакции, касаются и «французских» мотивов. Значимость их снижается и за счет сокращений, и из-за восстановления естественной хронологической структуры, в которой уход французов из Одессы перестает быть отправной точкой «Окаянных дней», начинающихся теперь в Москве 1 января 1918 г.

Ключевые слова

Бунин, «Окаянные дни», Гражданская война, «Возрождение» (1925), дневник, публицистика, Россия и Франция, русская революция, Французская революция, Ленотр, Одесса, поэтика, текстология

Для цитирования

Николаев Д. Д. Франция и французы в «Окаянных днях» И. А. Бунина // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 207–222. DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-207-222

France and the French in “Okayannye dni” by I. A. Bunin

D. D. Nikolaev

*A. M. Gorky Institute of World Literature RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

One of the main motives in “Odessa” part of I. A. Bunin’s “Okayannye dni” is connected with France. For the first time “Okayannye dni” was published in 1925 on the pages of Paris émigré newspaper “Vozrozhdenie”, and Bunin’s text was addressed not only to Russian, but also to foreign audience, primarily French. The editorial circumstances of the first publication should be taken into account when explaining the significance of the “French” motives, but journalistic logic of 1925 follows the specific circumstances of life in Odessa and related author’s experience of 1919.

“The French” appear in the first fragment of the “Okayannye dni”, published in the first issue of “Renaissance” on June 3, 1925. In the newspaper publication the starting point is the decision of the French troops to leave Odessa. Bunin does not directly accuse France of abandoning the city and its inhabitants, but then constantly returns to the motive of unfulfilled hopes associated with the French. The French navy destroyer becomes a symbol of the hopes and their collapse.

Two other lines connecting Russia and France are also pointed in the first fragment of the “Okayannye dni”. Bunin writes about modern political events and about French history. Bunin constantly reminds the French of their historical responsibility for committing and canonizing their “great” revolution, thus setting an example of the Russian revolution. Among the semantic centers of the “Okayannye dni” in the newspaper publication are fragments about the leaders of the French revolution, in which Bunin refers to the book “Vielles maisons, vieux papiers” by G. Lenotre. References to Lenotr’s book help to avoid a negative assessment of the French revolution as a view of the Russian “from the outside”.

Significant changes in the text of the “Okayannye dni” in the book edition in Berlin in 1935 also relate to French motives. Their significance is reduced both by removing fragments and by the restoration of the natural chronological structure, in which the “Okayannye dni” now begin in Moscow on January 1, 1918, not by departure of the French troops from Odessa in 1919.

Keywords

Bunin, “Okayannye dni”, Russian Civil war, “Vozrozhdenie” (1925), diary, journalism, Russia and France, Russian revolution, The French revolution, Lenotre, Odessa, poetics, textology

For citation

Nikolaev D. D. France and the French in “Okayannye dni” by I. A. Bunin. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 1, p. 207–222. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-207-222

В «Окаянных днях» И. А. Бунина (напрямую или во включенных в записи цитатах) упоминаются Германия, Италия, Венгрия, Дания, греки, румыны, австрийцы, финны, поляки, англичане, Европа как целое, но одной из концептуальных основ текста становится сопряжение России и Франции, выступающее в качестве лейтмотива в «одесской» части «Окаянных дней».

В художественной и публицистической логике построения «Окаянных дней» – в первую очередь газетной редакции – французы и Франция играют важнейшую роль. Разумеется, на первом плане в «Окаянных днях» у Бунина стоит Россия, но автор не дает читателям забывать и о Франции – стране, в которой в 1925 г. впервые печатается текст.

Публикация «Окаянных дней» в парижской газете «Возрождение» была адресована не только русской аудитории, но и французской. И если первой не следовало объяснять, что такое русская революция (к 1925 г. мнение о ней уже сформировалось, и переубеждать ее сторонников или ее противников не требовалось), то вторая по-прежнему, с точки зрения и Бунина, и редакции «Возрождения», нуждалась в разъяснениях. Бунинский текст помогал французам понять, почему не надо поддерживать большевиков и чем плоха русская революция. Стремился Бунин напомнить французам и о том, что они должны нести часть ответственности за происходящее в России – как союзники, бросившие русских в тяжелую минуту, и как «учителя», совершившие в XVIII в. революцию и подавшие пример большевикам.

«Одесская» часть «Окаянных дней» публиковалась в «Возрождении» в июне – декабре 1925 г. как самостоятельное, законченное произведение. На это в авторском постскриптуме, завершавшем публикацию заключительного фрагмента, указывал и сам Бунин: «Тут обрываются мои одесские заметки. Листки, следующие за этими, я так хорошо закопал в одном месте в землю, что перед бегством из Одессы в конце января 1920 года, не мог найти их» (Возрождение, 1925, 12 декабря, № 193, с. 2). Тем более не предполагалось читателями наличие предшествующей части дневников, просто потому что тогда публикацию в газете целесообразно было начинать с нее, хотя хронологическая логика, естественно, не равнозначна логике художественной и логике публицистической.

Установка на «завершенность», целостность текста определяла его сюжетно-композиционное и образное построение, связанное с актуальной для времени публикации художественно-публицистической задачей. Бунин и редакция «Возрождения» не просто предлагали читателям вернуться в 1919 г.: они рассматривали текст с точки зрения 1925 г. [Николаев, 2019].

Актуальность «Окаянных дней» в 1925 г. вовсе не исключает возможности дневниковой «подлинности» текста. Художественные и публицистические элементы не просто естественны, а неизбежны в дневнике, который ведет великий русский писатель в дни, когда решаются его судьба, судьбы его народа и его страны. Собственно, ради фиксации личных художественных и публицистических переживаний и заводит писатель дневник, сознательно или подсознательно предполагая использовать затем записи в своем творчестве и оформляя поэтому их и стилистически, и концептуально. А определенная степень адаптации текста практически неизбежна при авторской подготовке к публикации не предназначавшегося изначально для печати дневника. Подобная подготовка включает, как правило, элементы самоцензуры (к примеру, исключение упоминаний имен и фа-

милий некоторых лиц), «расшифровку» и стилистическую правку записей, а также их отбор: из дневников исключается малозначимое для широкой аудитории. Автор, естественно, соотносит дневниковые записи с текущим моментом, с читательскими интересами периода публикации, и часто расставляет в ходе подготовки в тексте определенные акценты. Это не значит, что изначальный дневниковый текст переписывается: достаточно бывает сокращений или композиционных приемов.

Структурно «Окаянные дни» складываются из трех типов записей: непосредственных впечатлений от жизни в Одессе «под большевиками», авторских переживаний и размышлений, связанных с включенными в текст «цитатами» из газет и книг, а также воспоминаний о предшествующих событиях, получающих актуальную для 1919 г. интерпретацию. Упоминание Франции (французов) есть в каждом из выделенных типов, причем роль и место данных упоминаний обусловлены реалиями описываемого времени, связаны с конкретными фактами, и не могут однозначно расцениваться как искусственно привнесенные позже.

«Французы» появляются в первом же фрагменте «Окаянных дней», опубликованном в первом номере «Возрождения» 3 июня 1925 г., более того – в первой же записи, датированной 12 апреля и рассказывающей о событиях 21 марта 1919 г.:

«Кто говорит?» – «Катаев. Спешу сообщить невероятную новость: французы уходят». – «Как, что такое, когда?» – «Сию минуту». – «Вы с ума сошли?» – «Клянусь вам, что нет. Паническое бегство!».

В десятом томе собрания сочинений, вышедшем в берлинском издательстве «Петрополис» в 1935 г., «Окаянные дни» начинались записью, сделанной в Москве 1 января 1918 г. и сразу отсылающей к событиям предшествующего, 1917 г.:

Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так [Бунин, 1935, с. 35].

Таким образом, все, происходящее в дальнейшем, в том числе и одесские события 1919 г., сразу связывалось с революцией: она заявлялась в качестве отправной точки, в качестве начала «окаянных дней».

В первой записи «Одесского дневника» Бунин использует тот же прием, сразу напоминая о прошлом, но возвращается автор не к 1917 г., а всего на три недели назад – к тому *последнему* моменту, когда и он, и Одесса еще не находились во власти большевиков. В газетной редакции «окаянные дни» начинались для автора и для читателей не с революции, не с отъезда из Петрограда или из Москвы. Поворотным моментом являлось решение французов оставить Одессу:

– Выскочил из дому, поймал извозчика и глазам своим не верю: бегут нагруженные ослы, французские и греческие солдаты в походном снаряжении, скачут одноколки, нагруженные всяким воинским имуществом... (Возрождение, 1925, 3 июня, № 1, с. 2)

Французы бросают русских на произвол судьбы, оставляют город большевикам и уходят – именно это становится рубежом для Бунина, отсюда ведется отсчет «окаянных дней» в «Возрождении», где текст начинается (после указания первой даты) с фразы: «Уже почти три недели со дня нашей гибели». В книжной редакции фраза эта сохраняется [Бунин, 1935, с. 75], но ей, как и всему «одес-

скому дневнику» предшествуют двадцать страниц «московского дневника» 1918 г., который в газете печатался позже, в 1927 г.

Бунин не обвиняет Францию напрямую в том, что она бросила город и его жителей, но он постоянно напоминает в дневнике о связанных с французами несбывшихся надеждах на спасение. Уход французов в марте 1919 г. оценивается не рационально, с точки зрения военной и политической логики, а эмоционально – как «бегство» союзников, отдающих Одессу в руки большевиков. Причем Бунин показывает, что это не только его восприятие происшедшего:

Встретили Л. И. Гальберштата. И этот «перекрасился». Он, вчерашний ярый белогвардеец, плакавший (буквально) при бегстве французов, уже пристроился при газете «Голос Красноармейца» (запись от 16 апреля // Возрождение, 1925, 4 июня, № 2, с. 2).

Французы противопоставляются в «Окаянных днях» немцам, на которых когда-то тоже возлагали надежду на спасение от большевизма. В записи от 22 апреля автор вспоминает о конце марта 1917 г.:

Большой, толстый, князь кричит, театрально сжимая свои маленькие кулачки:
– Помните, господа: прусский сапог безжалостно газдавит нежные гостки гусской свободы! Все на защиту ея!

Устами князя говорили тогда сотни тысяч уст. Нечего сказать, нашли от кого защищать «русскую свободу»! От тех самых пруссаков, которые целые десятилетия лелеяли мечту о ней, – изучая ради нее русских, как Брем изучал животных, – и которые увидели, наконец, свою мечту осуществленной!

А что было зимой 18 года? Те же сотни тысяч возложили все свои упования на спасение (уже на спасение этой самой русской свободы) опять-таки на немцев! Вся Москва бредила их приходом (Возрождение, 1925, 11 июня, № 9, с. 2).

Отметим, что в книжном издании Бунин существенно изменит данный фрагмент, скорректировав характеристику немцев. Последнее делается им при подготовке собрания сочинений в ряде произведений, что объясняется местом его издания (Берлин). Но в «Окаянных днях» авторские исправления не просто смягчают оценки немцев, как происходит в иных случаях, но и снимают суть противопоставления немцев и французов как двух сил, на которые русские возлагали надежды на спасение. В собрании сочинений Бунин существенно сокращает вторую часть фрагмента, и карикатурное изображение князя Трубецкого, который в книге называется по фамилии, фактически заслоняет доминировавший прежде мотив – немцы могли стать лишь мнимыми спасителями, поскольку на самом деле стремились уничтожить Россию:

Устами князя говорили тогда сотни тысяч уст. Нечего сказать, нашли для кого защищать «русскую свободу»!

Зимой 18 года те же сотни тысяч возложили все свои упования на спасение (только уже не русской свободы) именно через немцев. Вся Москва бредила их приходом [Бунин, 1935, с. 102].

В отличие от немцев – «мнимых спасителей», французы, с точки зрения автора «Окаянных дней», не просто могли, а должны были выступить в роли спасителей истинных.

Бунин вспоминает, как встречали в Одессе французов в декабре 1918 г.:

Очень милые стишки по моему адресу в «Южном Рабочем» (меньшевистская газета, издававшаяся до прихода большевиков):

Испуган ты и с похвалой сумбурной

Согнулся вдруг холопски пред варягом...

Это по поводу моих стихов, напечатанных в «Одесском Листке» в декабре прошлого года, в день высадки в Одессе французов. Какими националистами, патриотами становятся эти интернационалисты (хотя бы и второго интернационала), когда это им надобно (Возрождение, 1925, 19 сентября, № 109, с. 2).

Неожиданное появление в записи от 24 мая цитаты из стихотворения, опубликованного в газете «Южный Рабочий» 17 (30) декабря 1918 г. (см. подробнее: [Бакунцев, 2014]) и, на первый взгляд, никак не связанной с текущими событиями, объясняется желанием напомнить о приходе французов. Обратим внимание на то, что в 1919 г. Бунин пишет именно о французах, а не о «союзниках», и на то, что в самом стихотворении «22 декабря 1918 г.» французы не упоминаются.

Французы выступают спасителями не только в недавнем прошлом автора дневника. Он, как и другие жители Одессы, не теряет надежды, что они станут спасителями и в ближайшем будущем. Образ стоящего на рейде французского миноносца становится в «Окаянных днях» одним из ключевых. Этот корабль, имеющий возможность спасти людей, но отстраненно «взирающий» на зверства, погромы, убийства, является одновременно и символом надежд, и символом их крушения для Бунина и для всех русских:

Все в городе голову сломали, стараясь понять поведение французов, и все бегают на бульвар смотреть на французский миноносец, сереющий вдали на совершенно пустом море (Возрождение, 1925, 11 июня, № 9, с. 2).

Невозможность принять действия большевиков и невозможность понять поведение французов – это две ключевые «невозможности», определяющие суть одесских «окаянных дней».

Для Бунина, как и для редакции «Возрождения» в 1925 г., неприемлемо противопоставление февральской революции и октябрьской революции как хорошей и плохой. Он неоднократно выступает в «Окаянных днях» против революции вообще и не забывает, что о той самой «русской свободе» (в кавычках), восторжествовавшей весной 1917 г., мечтали не только пруссаки: свержение самодержавия с готовностью приветствовали и во Франции.

Вспоминая о весне 1917 г., Бунин упоминает об одном французе, но человек этот в силу своей должности выступает как полномочный представитель страны. Поддержка революционных настроений в 1917 г. – вот еще один упрек, который Россия «устаи Бунина» может адресовать Франции. Упрек этот не высказывается в дневнике напрямую, однако он фиксируется на образном уровне в рассказе о банкете в честь Финляндии после открытия финской художественной выставки в начале апреля 1917 г. и о том «гомерическом безобразии, в которое вылился банкет».

В записи «Ночь на 24 апреля», опубликованной в «Возрождении» 8 июля 1925 г., Бунин вспоминает, что на банкете собрался «весь цвет русской интеллигенции, то есть знаменитые художники, артисты, писатели, журналисты, общественные деятели, новые министры», «но надо всеми возобладал – Маяковский». Среди гостей выделяется «и один высокий иностранный представитель, именно посол Франции», который так же, как и остальные, вынужден спасовать перед Маяковским:

Но Маяковский заорал пуще прежнего. И министр, сделав еще одну и столь же бесплодную попытку, развел руками и сел. Но только что он сел, как встал французский посол. Очевидно, он был вполне уверен, что уж перед ним-то русский хулиган не может не ступешаться. Не тут-то было! Маяковский мгновенно заглушил его еще более зычным ревом. Но мало того; к безмерному изумлению посла, вдруг пришла в дикое и бессмысленное неистовство и вся зала: зараженные Маяковским, все ни с того, ни с сего заорали и себе, стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать и – тушить электричество (Возрождение, 1925, 8 июля, № 36, с. 2).

Капитуляция посла Франции перед «русским хулиганом» воспринимается как предвестие капитуляции Франции перед большевиками. Рассказ о банкете играет важную роль во внутренней логике «одесского дневника». Напоминая о том, что уход французов из Одессы в 1919 г. является закономерным следствием их предательского поведения в 1917 г., Бунин показывает, что естественным отношением к ним должно быть не «очарование» декабря 1918 г., а имеющее более глубокие корни «разочарование». Именно поэтому не вызывает удивления то, что в записи от 26 апреля надежды на освобождение возлагаются не на французов, а на немцев:

– Правда, что немцы входят в Одессу? Весь народ говорит, будто всю Одессу окружили. Они сами завели большевиков, теперь им приказали их уничтожить и за это на 15 лет отдают им нас. Вот бы хорошо!

Что такое? Вероятно, дикий вздор, но все-таки взволновался до дрожи и холода рук. Едва свернул папироску (Возрождение, 1925, 31 июля, № 59, с. 2).

В газете произошедшая перемена (от французов – к немцам) подчеркивается за счет сочетания в рамках одной публикации записи от 26 апреля с записью от 2 мая:

Убит Моисей Гутман, биндюжник, прошлой осенью перевозивший нас с дачи, очень милый человек.

—
Был возле Думы. Очень холодно, серо, пустое море, мертвый порт, далеко на рейде французский миноносец, очень маленький на вид, какой-то жалкий в своем одиночестве и в силу своей нелепости – черт знает, зачем они шатаются сюда, чего выжидают, что затевают? Возле пушки кучка народа, одни возмущались «днем мирного восстания», другие горячо, нагло поучали и распекали их.

Шел и думал, вернее, чувствовал: если бы теперь и удалось вырваться куда-нибудь, в Италию, например, во Францию, везде было бы противно, – опротивел человек после того, как жизнь заставила так остро почувствовать, так остро и внимательно разглядеть его, – его душу, его мерзкое тело. Что наши прежние глаза, – как мало они видели, даже мои! (Возрождение, 1925, 31 июля, № 59, с. 3).

Бунин в «Окаянных днях» четко фиксирует изменение настроений – и своего, и Одессы в целом, – и это, несомненно, подтверждает подлинную дневниковую основу текста. Динамика особенно ярко проявляется в нюансах – в частности, в отношении к французам. Как мы видим, в 1918 г. в роли спасителей «сотни тысяч» видели немцев, в конце 1918 г. на помощь пришли французы, в апреле 1919 г. надежды опять возлагаются на немцев, но в итоге все помыслы вновь обращены к французам. «Обновленная» надежда на французов впервые звучит

в записи от 29 мая, в связи с приближающимся заключением Версальского мирного договора:

Встретил Луи Ивановича: «Завтра в 12 истекает срок ультиматума. Одесса будет взята французами». Глупо, но шел домой, как пьяный (Возрождение, 1925, 19 сентября, № 109, с. 2).

В записи от 13 июня фиксируется реакция на известие о заключении мира. Франция Буниным прямо не называется, но мольбы о помощи обращены в первую очередь к ней:

Да, мир подписан. И не может, чтобы не подумали теперь о России. Вот уж истинно: «Ратуйте, хто в Бога вируе!» Неистовым криком о помощи полны десятки миллионов русских душ. Ужели не вмешаются в эти наши «внутренние дела», не ворвутся наконец в соседний дом, где бешеная горилла уже буквально захлебывается кровью? Если нет, будь проклят день и час рождения нашего <...> (Возрождение, 1925, 5 декабря, № 186, с. 3).

В книжной редакции фрагмент этот изменен:

Да, мир подписан. Ужели и теперь не подумают о России? Вот уж истинно: «Ратуйте, хто в Бога вируе!» Неистовым криком о помощи полны десятки миллионов русских душ. Ужели не вмешаются в эти наши «внутренние дела», не ворвутся наконец в наш несчастный дом, где бешеная горилла уже буквально захлебывается кровью? [Бунин, 1935, с. 201].

Бунин убирает категоричность высказывания, заменяя «невозможность» («И не может, чтобы не подумали теперь о России») на возможность («Ужели и теперь не подумают о России?»). Эпитет «несчастный» вместо определения «соседний» также подчеркивает призрачность надежд. Убирается и призываемое автором проклятие, которое должно было осуществиться, поскольку никто так и не вмешался в российские «внутренние дела».

То, что происходит в 1919 г. за границей, волнует автора лишь постольку, поскольку это связано с Россией. Текущие события в Париже упоминаются в «Окаянных днях» лишь дважды, причем в первый раз это также происходит в первом фрагменте: «А в редакции телеграмма: “Министерство Клемансо пало, в Париже баррикады, революция...”». Затем в записи от 23 апреля в четвертом номере «Возрождения» Бунин приводит цитаты из советских газет, касающиеся Франции: «в Париже баррикады, старый палач Клемансо в панике», болгарский коммунист Касанов «объявил войну Франции» (1925, 6 июня, с. 2). Отметим, что в книжной редакции писатель счел нужным подчеркнуть, что речь идет о цитате, добавив слова: «так буквально и сказано!» [Бунин, 1935, с. 107].

В первом же фрагменте фиксируется и третья, связывающая в «Окаянных днях» Россию и Францию, линия. Это события исторические. Бунин пишет о том времени, когда Париж являлся революционной столицей Европы. В «одесском дневнике» писатель постоянно обращается к русской истории, но он категорически не согласен с теми, кто настаивает на «предрасположенности» России к революции, возлагая вину либо на русский народ, либо на «угнетателей»-помещиков. Вновь не обвиняя Францию прямо, он в то же время постоянно напоминает французам об исторической ответственности за то, что они сперва совершили, а затем

и канонизировали свою «великую» революцию, тем самым подавая пример революции русской.

Связь революции русской с революцией французской утверждается через «лозунг» в абзаце, где одновременно разрушение России связывается с попыткой ее преобразования на европейский лад:

Впрочем, почта русская кончилась уже давно, еще летом 17 года: с тех самых пор, как у нас впервые, на европейский лад, появился «министр почт и телеграфов». Тогда же появился впервые и «министр труда» – и тогда же вся Россия бросила и работать. Да, и сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправления дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило какое-то иступление, острое умопомешательство (Возрождение, 1925, 3 июня, № 1, с. 2).

Переход от современности к параллелям между русской революцией и революцией французской происходит не только логически, но и эмоционально – и эмоциональная связь России и Франции затем является в «Окаянных днях» определяющей, хотя она, естественно, постоянно получает и рациональное объяснение.

Бунин пишет о схожести революций, но от мотива схожести практически сразу переходит к мотиву подражательности, утверждая, что русские революционеры «яростно копируют» своих французских предшественников:

Как они одинаковы, все эти революции! Вот, например, во время «великой» французской революции: историки говорят, что сразу же была создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров, число комиссаров, – непременно почему-то комиссаров, – и вообще всяческих властей стало несметно, комитеты, союзы, партии росли, как грибы, и все «пожирали друг друга», образовался совсем новый, особый язык, «сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью по адресу *грязных остатков издыхающей тирании...*» Вспоминая, перечитывая все это, просто теряешься от изумления: да что же это значит, что наша (тоже «великая») так яростно копирует, с такой алчностью инсценирует буквально на каждом шагу французскую! Все, вероятно, потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, масок, позы, подмостков, балагана со всем его криком и гамом. В человеке просыпается обезьяна... (Возрождение, 1925, 3 июня, № 1, с. 2)

Исправляя этот фрагмент для книжного издания, Бунин внес в него ряд существенных изменений. Он убрал, во-первых, определение «великой», а во-вторых, столь важные при публикации в парижской газете слова о том, что «наша (тоже «великая»)» так яростно копирует, с такой алчностью инсценирует буквально на каждом шагу французскую!». Заключительный фрагмент (после слов «издыхающей тирании...») в собрании сочинений выглядит так: «Все это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна». Таким образом, в книжной редакции большевики уже не предстают как ученики, подражающие учителям-французам: и те, и другие теперь проявляют заложенное в человеке обезьяннее начало – оно не появляется, а просыпается.

Есть в этой части и еще одно существенное изменение. Бунин убирает упоминание историков – слова «историки говорят» и «вспоминая, перечитывая все это»,

связывающие приведенные в кавычках характеристики с источниками. Между тем в газетной редакции эта связь была очень важна: указание на нее в первом же фрагменте логически приводило затем и автора, и читателей к исследованиям французского историка Ж. Ленотра.

В творчестве Бунина можно выделить своеобразный «ленотровский» цикл, складывающийся как из отдельных очерков, так и из фрагментов других публикаций, в частности «Окаянных дней», где Бунин (в газетной редакции) ссылается на книгу Ленотра трижды – во фрагментах, опубликованных в «Возрождении» 12 августа (№ 71, с. 2–3), 29 августа (№ 88, с. 2–3) и 14 ноября (№ 165, с. 2–3). В хронологии 1919 г. – это записи, датированные «Ночь на 6 мая», «11 мая» и «9 июня».

Тема «Бунин и Ленотр» требует рассмотрения в специальной статье, здесь же мы коснемся лишь некоторых ее аспектов: обращение к книге Ленотра «*Vielles maisons, vieux papiers*» интересует нас с точки зрения тех оценок, которые даются французской революции и Франции в общем контексте одесской части «Окаянных дней». Обратим внимание, что, рассказывая о французской революции, Бунин характеризует и революцию, и французов – как монтаньярский триумвират, так и народ в целом.

Фрагмент о Сен-Жюсте, опубликованный 12 августа 1925 г. и датированный ночью на 6 мая, становится одним из смысловых центров «Окаянных дней» в «Возрождении». В самом его начале Бунин дает оценку и Ленотру, и французской революции, причем оценки эти диаметрально противоположны:

Читаю Ленотра («*Vielles maisons, vieux papiers*»). Замечательный историк, замечательный писатель, человек, всю жизнь отдавший изучению французской революции, из которой сто лет творили столь вредоносную легенду, и освещающий ее совершенно новым светом, человек, которому при жизни нужно поставить памятник, а кто его знал и знает в России? А ведь подобные книги даже правительство должно было издавать и распространять в сотнях тысяч экземпляров (Возрождение, 1925, 12 августа, № 71, с. 2).

Примечательно, что здесь с Россией связывается не только французская революция, но и книги Ленотра. На самом деле Бунин несколько грешит против истины: некоторые труды Ленотра были хорошо известны в России. В конце XIX в. о его новых книгах регулярно сообщал читателям «Исторический Вестник». Очерки Ленотра печатались в периодических изданиях самых разных направлений – от «Жизни и Социализма» до «Нового Слова». В 1895 г. в Москве вышла книга Ленотра «Революционный Париж» в переводе Н. Ломакина, а в 1913 г. в серии «Историческая библиотека» издательство «Сфинкс» выпустило очерки «Париж в дни революции», переведенные Н. А. Тэффи и ее сестрой Е. А. Лохвицкой.

Впрочем, далеко не все в России оценивали Ленотра одобрительно. Критическое отношение французского историка к революции близко Бунину, но оно вызвало раздражение у тех, кто придерживался противоположных взглядов. Скажем, журнал «Русская Мысль» в 1893 г., когда он еще находился в руках В. М. Лаврова, в рецензии на книгу Ленотра «*La Guillotine pendant la Révolution, par Lenotre*» (Paris, 1893) с негодованием отмечал «общий тон, крайне враждебный революции и философии XVIII в.», и выражал надежду, что вскоре «книги вроде Ленотра предадутся заслуженному забвению, так как единственный их *raison d'être* – до-

кументальность – устранится тогда хорошим критическим изданием всех сколько-нибудь интересных документов, касающихся того времени» (Книга 11, ноябрь, с. 526, 527).

И все же высокие оценки книги Ленотра, которыми открывается и завершается запись, не должны отвлекать читателей от главного – характеристики деятелей французской революции и даваемой через эти характеристики оценки самой революции. Ленотр важен прежде всего потому, что его книгу можно использовать для подкрепления правоты собственных суждений. Это не просто впечатления от прочтения книги, хотя дневниковые рассуждения структурно и подаются таким образом. В газетной редакции Бунин начинает с того, что приводит название книги Ленотра – «*Vielles maisons, vieux papiers*», но если бы он намеревался писать о сочинении Ленотра, то, вероятно, следовал бы в записи, как и в чтении, авторской логике, сохранял принятую в книге последовательность. Но для изложения выбирается очерк о Сен-Жюсте («*Saint-Just a Blégancourt*») который помещен в книге Ленотра предпоследним, четырнадцатым из пятнадцати, вошедших в «первую серию» [Lenotre, 1904].

В 1919 г. определенную роль могло сыграть то, что Бунин, вероятно, знакомился с книгой Ленотра по переводам А. А. Кипена, но главным является все же другое. Очерки, с которых начиналась книга, – о Камилле Демулен, о мадемуазель Робеспьер – не позволяли проиллюстрировать главную идею дневниковой записи, в которой образ «великого друга человечества, одного из величайших революционеров мира» трансформируется в «самодержавно правившего Францией и заливавшего ее кровью вместе с этой безногой ехидной Кутоном и кретином Робеспьером».

Опираясь на очерк Ленотра, Бунин показывает, что в характере Сен-Жюста не было ничего «великого», а вся его революционность сводилась к моральной разнужданности и желанию любой ценой занять положение в обществе:

Теперь, говорит Ленотр, с достоверностью установлено, что в отрочестве Леонард-Флорелль Сен-Жюст (рано лишившийся крутого отца и ни в грош не ставивший мать) был просто на просто буйным уличным мальчишкой со многими пренеприятными задатками. <...>

Он, этот будущий «друг народа», даже съездил в Париж с специальной целью «приобрести себе хорошие манеры», а возвратясь, хвастал, что в Париже ему обеспечено место в королевской гвардии. Он рассказывал, что в Суассоне ему «нет отбоя от великосветских дамочек», стал внедрять среди своей родной «деревенщины» охоту «к вольным и нежным забавам» и так преуспел в этом, что вскоре в Блэранкуре поднялся целый хор жалоб отцов и мужей прекрасного пола (Возрождение, 1925, 12 августа, № 71, с. 2).

Бунин близко к тексту пересказывает отдельные фрагменты очерка Ленотра: о том, как будущий «друг человечества» обесчестил дочь королевского нотариуса и обокрал собственную мать, так что у читателя не остается сомнений в абсолютной безнравственности человека, входившего в монтаньярский триумвират.

Описывая дальнейшую судьбу Сен-Жюста, Бунин использует модель «из грязи в князи». Для характеристики его жизни перед революцией используются формула «впал в ничтожество», рефреном повторяющаяся у Н. А. Тэффи в пародийной «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”»:

Выйдя к концу марта 1787 года на свободу, Сен-Жюст, «уязвленный и полный ненависти», впал в ничтожество: поступил писцом к суассонскому прокурору. Будущее его было весьма темно. Но тут, на его великое и неожиданное счастье, подспела великая благодетельница очень многих ничтожеств, а также и тех, кого судебная медицина называет людьми «преступной и беспокойной воли»: революция (Возрождение, 1925, 12 августа, № 71, с. 2).

Обратим внимание на то, что в самом очерке Ленотра нет слов «революционер», «революционный». Лишь один раз он упоминает о «контрреволюционерах» [Lenotre, 1904, p. 333], и однажды использует слово «революция», приводя слова маркизы де Креки: «Trois femmes qui crient, disait la vieille marquise de Créquy, font plus de bruit que cent mille hommes qui se taisent. Voilà le secret de bien des révolutions» [Ibid., p. 332] («Три женщины, которые кричат, говорила старая маркиза де Креки, шумят больше, чем сто тысяч мужчин, которые молчат. Вот секрет многих революций» (Возрождение, 1925, 12 августа, № 71, с. 2)).

В «Окаянных днях» же разоблачение одного из вождей революции смыкается с разоблачением самой революции, которая определяется не через заявленные великие цели «свободы, равенства, братства», а через подлинные, с точки зрения Бунина, движущие ее силы: преступную волю стремящихся к личному преуспеянию ничтожеств. Бунин сплетает свои оценки революции и ее вождей с прямыми (в кавычках) или косвенными цитатами из Ленотра, так они выглядят как одно целое. К примеру, Ленотр начинает свой рассказ о племяннице Сен-Жюста так: «Dans la maison qu'habine aujourd'hui, honorét et aimée de tous, la petite niece du conventionnel, j'ai vécu quelques heures précieuses» [Lenotre, 1904, p. 338]. А в «Окаянных днях» на первый план в изложении этого фрагмента выходит бунинская характеристика Сен-Жюста:

А в доме, где живет теперь племянница этого великого злодея и скверного актера <...> (Возрождение, 1925, 12 августа, № 71, с. 3).

Бунин резко отрицательно оценивает не только революцию и Сен-Жюста, но и его «простодушных соотечественников», допустивших ничтожество к власти. Фактически она называет Францию и Европу дурами:

Госпожа Сен-Жюст, однако, была взбешена на этот раз по-настоящему. Кроме того, она оказалась все-таки не такой уж душой, как предполагал ее сынок, – во всяком случае не такой, как Франция да и вся Европа, которую удалось ему так блестяще одурачить впоследствии (Возрождение, 1925, 12 августа, № 71, с. 2).

Фрагмент, опубликованный 12 августа, был посвящен Ленотру целиком – французский историк упоминался и в первом («Читаю Ленотра («Vielles maisons, vieux papiers»)), и в последнем предложении, где «герои» французской революции прямо связывались с «героями» революции русской:

Да, да, разукрасит – на время, конечно, – история и наших кровавых прохвостов. Уж на что хорош Луначарский (на Капри, над гробиком своего ребенка, читал «Литургию Красоты» Бальмонта). Но и Луначарского разукрасит.

«Еще не настало время для объективной оценки русской революции». Да пропади вы пропадом со своей будущей объективностью! Нет, мы должны всеми силами стараться лишить вас этого удовольствия своей живой субъективностью. А то поди дождайся в могиле своего Ленотра! (Возрождение, 1925, 12 августа, № 71, с. 3)

В следующем фрагменте, напечатанном в «Возрождении» 15 августа, Бунин не касается Ленотра: размышления и рассуждения автора в этой части основываются на цитатах из русских историков и писателей. Но затем, 29 августа, он вновь возвращается к книге французского историка, прямо сравнивая вождей двух революций:

Как раз читаю Ленотра. Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские. Но и парижские были не плохи (Возрождение, 1925, 29 августа, № 88, с. 2).

Для иллюстрации на этот раз берется очерк Ленотра о Кутоне:

Кутон, говорит Ленотр, Кутон диктатор, ближайший сподвижник Робеспьера, лионский Атилла, законодатель и садист, палач, отправлявший на эшафот тысячи ни в чем невинных душ, «страстный друг Народа и Добродетели», Кутон, как известно, был калека, колченогий. Но как, при каких обстоятельствах потерял он ноги? Оказывается, очень просто и постыдно. Теперь открылось с полной достоверностью, что дело было так: Кутон проводил ночь у своей любовницы, муж которой отсутствовал. Все шло прекрасно, как вдруг – стук, шаги возвращающегося мужа. Кутон вскочил с постели и прыгнул в окно во двор – и угодил как раз в выгребную яму. Просидев там до рассвета, он навсегда лишился ног, – они у него отнялись на всю жизнь (Возрождение, 1925, 29 августа, № 88, с. 2).

К рассказу о Кутоне Бунин возвращается 14 ноября – в первом из «заключительных» четырех фрагментов, которые печатались уже с подзаголовком «Из одесских заметок 1919 г.» Эта запись датирована 9 июня. В «Возрождении» предшествующий фрагмент печатался 19 сентября, так что новая публикация воспринимается большинством уже вне прямой связи с предыдущей записью от 7 июня, которая, вероятно, по авторскому замыслу изначально должна была стать завершающей. Во всяком случае на это указывают и ее графическое оформление (два последних предложения следуют после обозначенной чертой отбивки), и содержание заключительного абзаца: «Сумасшедшее слухи о Деникине, об его успехах. Решается судьба России».

Начало записи от 9 июня (№ 109, с. 3) прямо корреспондируется с предшествующей («В газетах все то же – “Деникин хочет взять в свои лапы очаг” – и все та же страшная тревога за немцев за то, что им придется подписать “позорный” мир»), и в книжной редакции эта связь, естественно, является определяющей. Но в газетном контексте «французские» мотивы записи воспринимаются не менее значимо. Здесь Бунин начинает свое рассуждение с «французов» и, прежде чем перейти к Ленотру, упоминает Шиллера, Андре Шенье и Наполеона:

«Попытка французов восстановить священные права людей и завоевать свободу обнаружила полное человеческое бессилие... Что мы увидели? Грубые анархические инстинкты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи и с непреодолимой яростью стремятся к животному самоудовлетворению... Но явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твердо зажмет в своем кулаке бразды правления!»

Удивительней всего то, что эти слова, столь дивно оправдавшиеся на Наполеоне, – принадлежат человеку, бывшему до французской революции страстным революционером, певцом «Колокола», Шиллеру.

А Шенье? Перед эшафотом он воскликнул:

– Как! Умереть, не плюнувши в лицо революционному террору?

А Наполеон?

– Что сделало революцию? Честолюбие. Что положило ей конец? Тоже честолюбие. И каким прекрасным предлогом дурачить толпу была для нас всех свобода! (Возрождение, 1925, 14 ноября, № 165, с. 2)

Обращаясь затем к очерку Ленотра о коляске Кутона («La brouette de Couchon»), Бунин не просто излагает его содержание. Он создает художественный образ «одного из триумвиров, ближайшего друга и сподвижника Робеспьера», который предстает перед читателями как «лионский Атилла», «свирепая гадина»:

Должно быть, жуткое это было зрелище, вид этого человеческого обломка, который несся среди толпы на своей машине-трещотке, наклонив вперед туловище с завернутыми в одеяло мертвыми ногами, обливаясь потом и все время крича: «сторонись!» – а толпа шарахалась в разные стороны в страхе и изумлении от противоположности между жалким видом этого калеки и тем ужасом, который вызывало одно имя его! (Возрождение, 1925, 14 ноября, № 165, с. 2–3).

На самом деле и Сен-Жюста, и Кутона мы видим в «Окаянных днях» не глазами Ленотра, а глазами Бунина. Это взгляд на историю французской революции сквозь призму человека, оказавшегося захваченным современной русской революцией. Но регулярные ссылки на книгу Ленотра нужны в «Возрождении» для того, чтобы негативная оценка французской революции не воспринималась как взгляд русского «со стороны».

В собрании сочинений уже нет столь акцентированных ссылок на французского историка. Характеристика Ленотра и его книги отсутствует в книжной редакции, как и вся запись «Ночь на 6 мая». В собрании сочинений за «5 мая» сразу следует 8 мая. Опущена и первая часть записи, датированной «6 мая», причем вместе с датировкой, так что вторая часть записи, в газетной редакции датированной 6 мая, сливается с записью от 5 мая. Благодаря такому пропуску отчасти меняется и логика повествования. В книге от цитат из статьи Подвойского в киевских «Известиях», выступления Раковского, речи Горького на съезде Третьего Интернационала «День великой лжи» и не раз использованной Буниным публикации из горьковской газеты «Новая Жизнь» от 6 февраля 1918 г., в которой большевики называются «компанией авантюристов», Бунин практически сразу переходит к цитатам из Аксакова, Ключевского, Достоевского, Герцена, Соловьева, Костомарова, и революция таким образом напрямую связывается с русской историей. В газетной редакции между ними стоит Ленотр. Начало записи от 6 мая в собрании сочинений перепутано при наборе: оно стоит после записи от 8 мая (начинается в книге, как и в газете, рассказом «Иоанн, тамбовский мужик Иван, затворник и святой») – и в таком виде по-прежнему воспроизводится при переизданиях [Бунин, 1990, с. 134–135].

Устойчивая надежда на вмешательство со стороны как на единственную реальную возможность спасения России от большевиков является одним из лейтмотивов в «Окаянных днях». При этом характеристики французов и немцев строятся Буниным по-разному.

Когда речь идет о немцах, Бунин дает им «собственную» характеристику (которую он потом, как уже было показано, уберет из книжной редакции). Создавая образы французов и Франции, он предпочитает «скрываться за источником», использовать очерки Ленотра, газетные заметки, сторонние слова и эмоции, стара-

ется отказываться от их непосредственного изображения (исключением является посол Франции в России).

В исторической плоскости французы предстают как грешники, они несут ответственность за революцию не только перед своей страной, но и перед остальным миром. В современности динамика образа народа «пришли – ушли – стоят – придут» сочетается со статичной интерпретацией его как спасителя. Собственно, в плоскости 1919 г. спасение России от большевизма предлагается им как своего рода искупление вины. Но в 1925 г. уже известно, что французы не стали приносить эту жертву. В контексте первой публикации в «Возрождении» это уже трактуется как двойная ответственность, требующая от Франции осознания и искупления.

«Окаянные дни» в какой-то степени убеждают если не французов, то русских эмигрантов в том, что беженцы ничем не обязаны приютившей их Франции, напротив, Франция обязана искупить вину перед Россией и русскими. В то же время Бунин не обвиняет Францию и французов, он, скорее, взывает к их совести...

Параллели между двумя революциями должны были помочь французской аудитории понять происходящее в России, но понимание не настраивает аудиторию против русской революции, как хотелось бы Бунину, а, напротив, примиряет с ней, оправдывает ее. Для большинства французов их революция – действительно великая, а День взятия Бастилии является самым знаменательным национальным праздником. Называя Францию и Европу «дурами», Кутона «безногой ехидной», а Робеспьера «кретином», Бунин в 1925 г. скорее отталкивает французов от русских эмигрантов, чем вызывает к ним сочувствие.

Список литературы

- Бакунцев А. В. И. А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2014. № 5. С. 55–71.
Бунин И. А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10: Окаянные дни. 255 с.
Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Сов. писатель, 1990. 416 с.
Николаев Д. Д. Дневник как публицистика: Окаянные дни Ивана Бунина в парижской газете «Возрождение» 1925 г. // Avtobiografiya. 2019. № 8. Р. 117–148.
Lenotre G. Paris révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers. Première serie. Deuxième édition. Paris: Librairie Académique Didier Perrin et C, Libraires-Éditeurs, 1904. 366 p.

References

- Bakuntsev A. V. I. A. Bunin na stranitsakh odesskoy pechati v gody Grazhdanskoy voynu. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2014, no. 5, p. 55–71. (in Russ.)
Bunin I. A. *Sobranie sochineniy*. Berlin, Petropolis, 1935, vol. 10: *Okayannye dni*, 255 p. (in Russ.)
Bunin I. A. *Okayannye dni*. *Vospominaniya. Stat'i*. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990, 416 p. (in Russ.)

Сюжет в системе культурных универсалий

Lenotre G. Paris révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers. Première serie. Deuxième édition. Paris, Librairie Académique Didier Perrin et C, Libraires-Éditeurs, 1904, 366 p.

Nikolaev D. D. Dnevnik kak publitsistika: Okayannye dni Ivana Bunina v parizhskoy gazete "Vozrozhdenie" 1925 g. *Avtobiografiya*, 2019, no. 8, p. 117–148. (in Russ.)

Сведения об авторе

Николаев Дмитрий Дмитриевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)

ddnikolaev@mail.ru

ORCID 0000-0001-8449-4682

Information about the Author

Dmitry D. Nikolaev – Doctor of Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ddnikolaev@mail.ru

ORCID 0000-0001-8449-4682